

18+

В И К И Л А Н Д

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СЮРПРИЗ

П Е Н Е Л О П А У О Р Д

M O D E R N
L O V E

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHORS
#1 WALL STREET JOURNAL BESTSELLING AUTHORS

**Ви Киланд
Пенелопа Уорд
Рождественский
сюрприз. Сборник
Серия «Modern Love»**

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66694570
Рождественский сюрприз. Сборник: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-161483-6*

Аннотация

Романтические, забавные рождественские истории от Ви Киланд и Пенелопы Уорд. Сборник, который точно поднимет настроение! Пожалуй, это самая милая и горячая книга, которую только можно представить.

Содержание

Праздник поцелуев в Нью-Йорке	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	48
Туши свет, любимая	61
Глава 1	61
Глава 2	71
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Ви Киланд, Пенелопа Уорд

Рождественский сюрприз

Сборник

Vi Keeland and Penelope Ward
The Christmas Pact

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Vi Keeland and Penelope Ward
Copyright © 2019. THE CHRISTMAS PACT

by Vi Keeland & Penelope Ward

Copyright © 2018. SEXY SCROOGE by Vi Keeland & Penelope Ward

Copyright © 2019. KISSMAS IN NEW YORK

by Vi Keeland & Penelope Ward

Copyright © 2019. THE MERRY MISTAKE by Vi Keeland

& Penelope Ward

Copyright © 2020. LIGHTS OUT LOVE by Vi Keeland &

Penelope Ward

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Праздник поцелуев в Нью-Йорке

Глава 1 Марго

Нэнси заговорила, перекрывая шипение молока в капучинаторе:

– Поверить не могу, что они нас снова кинули!

– Правда? А я вот верю, – проворчала я.

Я только что получила сообщение от моего вскоре, надеюсь, бывшего мужа, извещавшего, что они с адвокатом не смогут явиться на встречу, которая должна была начаться пять минут назад. Это уже вторая подлянка со стороны Рекса под предлогом загруженности на работе. Мы даже назначили встречу в кафе возле его офиса в Сохо, ибо муж ныл, что ему долго добираться до адвокатских контор. Более того, мне пришлось просить лучшую подругу Нэнси побыть сегодня моим представителем, потому что мой официальный адвокат по разводу вчера стукнул машину. Вот как страстно мне хотелось покончить с осточертевшим браком!.. Если я еще прогнусь перед этим негодяем, то переломлюсь пополам.

– Верить-то я верю, – поправилась Нэнси, – но Рекс от-

кровенно нарывается.

День благодарения миновал, приближалось Рождество, и кафе было увешано мигающими елочными гирляндами и праздничными венками. Во мне теплилась робкая надежда, что праздничная атмосфера компенсирует неприятную встречу, но все, к чему Рексу доводилось приложить ручонку, заканчивалось скверно.

Я все же решила воспользоваться случаем и побаловать себя праздничным латте с эгногом, которого очень жду каждый год: Рождество носилось в воздухе, пусть даже Скрудж – мой экс-Рекс – не мог не подлить дерьма. Я согласилась на простой – *полюбовный* – развод, притом что бесславный крах нашего брака целиком лежал на Рексе, однако муженьку заблажило каких-то переговоров. На которые ни он, ни его адвокат решили не являться. Короче, Рекс в своем репертуаре.

В результате вот уже час я сидела в кафе с Нэнси, с которой мы крепко дружим с детства. Обычно я не смешиваю дела и развлечения, но Нэнси, будучи адвокатом, охотно согласилась мне помочь, а мне жутко не хотелось затягивать процедуру дольше, чем Рекс уже затянул.

Из динамиков под потолком негромко звучало «Все, что я хочу на Рождество» Мэрайи Кэри. Я всегда любила этот праздник; не виси надо мной черной тучей нерешенный вопрос с разводом, я бы искренне веселилась.

Нэнси допила свой латте.

– Слушай, нужно тебя как-то встряхнуть. Нет, ну как ты

живешь? Дом – работа – развод? Ты обязательно должна прийти к нам в контору на рождественскую вечеринку.

– Не знаю, подумаю.

– Или еще лучше, давай куда-нибудь поедем после Нового года!

Рассеянно слушая подругу, я открыла в телефоне почту. Пока я сидела в кафе, там прибавилось штук двадцать электронных писем.

– Может, и поедем...

Надо признаться, что я – довольно известный организатор мероприятий на Манхэттене и хронически загружена до предела. Занимаюсь ли я эксклюзивными пати в Хэмптонсе или раутами в Нью-Йорке, график у меня ненормированный все семь дней в неделю.

Нэнси щелкнула пальцами у меня перед носом.

– Ты там не заснула? Я говорю, съездим куда-нибудь после Нового года!

Я нехотя отложила телефон.

– Куда это вдруг?

– Вот не скажу, – недовольно сказала Нэнси. – Устрою сюрприз, в самолете узнаешь. У тебя каждый чих распланирован и вбит в твой чертов телефон. Пора отключить его на недельку.

Как нарочно, тут же пискнуло оповещение о новом смс – написал один из поставщиков рождественской вечеринки, которой я как раз занималась. При мысли, что придется рас-

статься с мобильным, я содрогнулась.

– Не глупи, я не проживу без телефона целую неделю!

– В тебе совсем не осталось спонтанности. Тебе нужно отвлечься, пока вся жизнь мимо носа не прошла.

Вертя в руке опустевшую чашку, я ответила:

– Спонтанность – это сознательный выбор. Захочу – буду спонтанной и импульсивной.

– Правда? – скептически протянула Нэнси.

– Чистая.

– То есть если я подначу тебя что-то сделать прямо здесь, в кафе, что-нибудь дерзкое, ты не раздумывая побежишь выполнять?

Я знала, к чему дело клонится: школьные подначки Нэнси в Квинсе я до гроба не забуду. Все началось в пятом классе, когда я попробовала взять подружку на слабо и заставить признаться Кенни Хармону, что он ей нравится. Мне даже не удалось договорить – едва я произнесла: «А слабо тебе...», как моя безбашенная Нэнси с загоревшимися глазами перебила: «А вот и не слабо!» И потянулись десять лет взаимных пари и смелого согласия на что угодно. Я много чего сделала такого, на что иначе бы в жизни не решилась: купалась голышом, пригласила на выпускной бал первого красавца школы, прыгала с банджи. Должна признаться, некоторые из этих «слабо» оказались лучшими моментами в моей жизни, но мы с Нэнси давно забросили нашу маленькую игру.

Хотя... чего такого одиозного может потребовать Нэнси?

Если я сейчас откажусь, она сто лет будет колоть мне глаза доказанным фактом – спонтанности во мне не больше, чем в кружке молока. А мне совершенно не хотелось перекрывать многолетний поток дурацких пари.

Я выпрямилась.

– А то! Не томи, валяй, чего там.

Подруга приподняла бровь.

– Точно?

Пересилив себя, я ответила:

– Точно.

Мне что, пять лет?

Или мне делать нечего?

Брошенная Нэнси фраза, что я лишена авантюрной жилки, возмутила меня до глубины души (в основном из-за правоты подруги), и путь назад был отрезан. С возрастом подначки подрастеряли свое очарование, однако, если Нэнси решит доказать свою правоту, ее танком не остановишь (отчасти поэтому она хороший адвокат). Отчего-то – может, оттого, что Рекс уже в который раз испортил мне день и настроение, – я твердо решила не отдавать Нэнси эту партию.

Желая побыстрее с этим покончить, я спросила:

– Ну, какой садизм ты для меня приготовила?

Нэнси прикрыла глаза.

– Я еще думаю. Нужно что-нибудь оригинальное, на что у тебя не хватит пороху.

Нэнси нарочно играла у меня на нервах. Что бы она ни

выдумала, из принципа сделаю (а пусть нос не задирает!).

Через минуту невыносимо фальшивой медитации Нэнси наконец произнесла:

– О'кей, я решила, что это будет. Но тебе повезло, потому что в определенном смысле выбор за тобой.

– Объясни.

– Я хочу, чтобы ты поцеловала незнакомца. Здесь, в кафе.

Чего?!

– Ты прикалываешься, что ли?

– И не мечтай. Но кого целовать, выбирай сама. Я не изверг, чтобы принуждать тебя чмокать абы кого, – указав подбородком, она понизила голос: – Вон его, например.

У сидевшего рядом с нами старика яичный желток тек по подбородку.

Зная, что Нэнси не отвяжется, я со вздохом сдалась:

– Прекрасно.

– Что? Не слышу!

Я скрипнула зубами.

– Прекрасно!

– Вот и чудненько. Так, кому же это сейчас повезет-то... –

Взгляд Нэнси блуждал по залу, пока не сфокусировался на противоположном углу. – Да! – она просияла. – О да-а-а, да, да! Сегодня твой счастливый день. Как это я его раньше не заметила? – Подруга прищурилась, всматриваясь. – Поздравляю, обручального кольца, кажется, нет.

Собравшись с духом, я обернулась посмотреть, чем там

любуется подруга.

Первой мыслью было, что Нэнси меня все-таки разыгрывает.

Сидевший в углу красавец брюнет в костюме-тройке от дорогого портного действительно выделялся из толпы. Он сидел, уткнувшись носом в «Нью-Йорк таймс» (нос у него тоже был замечательный, гармонизировавший с волевым подбородком). При виде этого живого совершенства я внутренне обмерла.

Да он просто рассмеется мне в лицо!

Не стану я делать из себя посмешище! Выберем-ка золотую середину, того, перед кем я не выставлю себя душой... Правда, всякое квазимодо я тоже целовать не готова...

– Ну, к кому целоваться пойдешь? – поторопила Нэнси, взглянув на время на своем мобильном. – Раз Рекс не явился, пройдусь хоть по магазинам, так что приступай, не задерживай.

Я пристально оглядывала зал.

Молодая мамаша с младенцем? Нет уж.

Юный бариста? Гм... нет, меня точно арестуют.

Господи, в кафе буквально не из кого было выбрать, кроме старого деда и мистера Совершенство!

Здравый смысл поспешно отступил в сторону, пропуская суровую реальность.

Старик с перепачканным подбородком? Ни за что. Я просто не смогу, даже из лучших побуждений.

По умолчанию выбор пал на красавца брюнета.

– Ты права, это наиболее приемлемый вариант. – Я раздраженно поправила свои немытые светлые пряди. – Блин, человек примет меня за сумасшедшую!

– Ну, это смотря как ты преподнесешь. Придумай что-нибудь.

– Слушай, ну реабилитирую я свою спонтанность. Тебе-то что за выгода?

– Выгода? Сплошная. Либо я окажусь права, либо поржу как следует. И потом, мне кажется, тебе будет полезно. Когда твоих губ в последний раз касался настоящий мужчина?

Как ни грустно, этого я даже не могла вспомнить. Я ни с кем не целовалась после моего неверного экс-Рекса (в том, что Рекс рифмуется с «экс», мне теперь виделся прозрачный намек судьбы. Поспешила я со своим «Да»).

Глубоко вздохнув, я встала.

– Ладно, чего тянуть...

Я шла ужасно медленно, то и дело оглядываясь на Нэнси, ястребом следившую за мной. Сердце у меня забилося чаще. Бедный брюнет даже не подозревал, что на него надвигалось. Когда я оказалась почти у цели, зазвучал «Милый Санта» в исполнении Мадонны.

Ноги буквально перестали мне повиноваться вблизи такого красавца. Остановившись перед ним, я застыла.

Брюнет отвлекся от своего чтения, взглянул на меня и спросил:

– Вы что-то хотели?

Сексуальный баритон как нельзя лучше соответствовал его внешности.

Волнение окончательно пересилило, и я, заикаясь, ответила:

– Здравсьте... Я Марго?

Это прозвучало с вопросительной интонацией, будто я сомневалась в собственном имени.

Незнакомец закрыл газету.

– Здравствуйте.

Я продолжала стоять столбом и ничего не говорить.

– Гм... у вас все в порядке? – спросил он.

Чувствуя, что вот-вот обмочу штаны, я проговорила:

– Обычно я так не поступаю, но...

Брюнет прищурился, видимо, заподозрив, что у меня не все дома (и кто его обвинит?).

– Вам нехорошо? – поинтересовался он.

Неискренне засмеявшись, я ответила:

– Да нет же, господи, все прекрасно!

И обернулась взглянуть на подругу. Нэнси восторженно показывала мне оба больших пальца, подзуживая продолжать.

– Ничего, если я присяду? – спросила я и села, не дожидаясь разрешения. Стул чуть не выехал из-под меня на скользком полу.

– Хм, да, не стесняйтесь.

Стиснув переплетенные пальцы, я улыбнулась незнакомцу.

Он наконец вопросительно приподнял бровь. Я приняла это за намек не тянуть дольше.

Выкладывай.

– Простите, я веду себя странно. Вы, наверное, сочтете это безумием... – Я ткнула пальцем себе за спину. – У меня там подруга, мы дружим с детства и всю жизнь заключаем дурацкие пари. Она только что обвинила меня в отсутствии спонтанности. Мне это не понравилось, я даже разозлилась... – Я облизнула губы. – Вы кажетесь успешным человеком. Уверена, вам знакомо понятие «дух соревнования»...

Брюнет взглянул на Нэнси, на меня и с некоторым недоумением подтвердил:

– Допустим.

– Ну так вот... Она не совсем права в отношении меня. Если человек ответственно относится к своей жизни... в основном... это не означает, что он разучился веселиться. – Я уже несла непонятно что. – Короче, она взяла меня на слабо, и я заранее согласилась на любое ее задание. Ну, чтобы доказать свою непосредственность. Поэтому я к вам и подошла.

– Подруга велела вам подойти к незнакомому человеку и начать лепетать вздор?

Я поморщилась.

– Не совсем.

– А что же тогда?

– Я должна вас поцеловать.

Брюнет прищурился еще сильнее.

Ну все, пиши пропало.

Нервно засмеявшись, я добавила:

– Я же говорила, вы сочтете меня ненормальной...

Он наконец подал голос:

– А на что вы спорили, что поцелуете меня?

– Ни на что. Я просто хотела доказать, что во мне есть авантюрная жилка.

Прошло несколько томительных мгновений, прежде чем незнакомец вдруг встал.

– Куда вы?

– Если мы собираемся целоваться, я должен хоть кофе вам купить. Какой вы пьете?

Ого. Ого!.. Сердце забилось часто-часто. Значит, поцелуй все-таки состоится?

– Я уже пила латте, спасибо.

Мистер Совершенство все равно сходил к стойке и вскоре вернулся с самым жутким зеленым коктейлем, какой мне доводилось видеть. Коктейль помещался в гигантском кубке, из которого торчала соломинка в виде полосатого леденца. В зеленой толще поблескивали красные искорки. От одного взгляда на этот кошмар у меня начался кариес и диабет.

– Что это?!

– Их фирменный рождественско-елочный кофеек со льдом. Покупал племяннику в прошлом году, у него три дня

сахар выше нормы был. – Незнакомец подал бокал мне. – Если допьете до дна, поцелуемся.

– А какой смысл заставлять меня сначала это пить?

– Ну, быстро вы это не выпьете, очень уж он приторный, так что у нас появится возможность получше узнать друг друга, прежде чем я, так сказать, засуну язык вам в глотку. А я буду развлекаться, наблюдая, как вы это пьете. Плюс бонус, – брюнет покосился на Нэнси. – Ваша подруга не знает, что и подумать. По-моему, так ей и надо.

– Прекрасный бонус, – согласилась я, с улыбкой оглянувшись на подругу. – Хорошо, договорились.

Первый глоток я поспешила проглотить, не распробовав.

Неожиданно у меня закружилась голова. Пришлось остановиться.

– Уф! – я потерла лоб.

Незнакомец усмехнулся.

– Все нормально?

Кашляя, я кивнула и пододвинула ему бокал:

– Хотите попробовать? Очень отдает можжевельником – и впрямь рождественская елка. И немного смолой.

– Нет, спасибо, – брюнет выставил ладонь вперед. – А чем вы, Марго, занимаетесь, когда не предлагаете поцелуи незнакомым людям в кафе?

– Я... – к сожалению, я не смогла вспомнить, как еще развлекалась в последнее время. Я сникла, сообразив, что Нэнси права: у меня нет личной жизни. – Я это, много работаю.

Я замужем за своей профессией.

– Счастливый мужик этот Профессия, – отозвался брюнет, и в его глазах мелькнули искорки. Во мне шевельнулось подозрение, что его не отпугнула моя абсурдная просьба о поцелуе.

Господи, занятая своим волнением, я даже не спросила, как его зовут!

– Простите, я не расслышала вашего имени?

– Чет.

– Приятно познакомиться, – я отпила еще глоток, который снова немедленно ударил в голову.

– На вашем месте я бы так не торопился – мой племянник на ушах потом отплясывал. Мы же не хотим, чтобы вы учудили еще что-нибудь... неловкое.

– О, я уже готовая... Но все равно спасибо.

Мы обменялись улыбками.

– А знаете, меня восхищает ваша готовность выйти из зоны комфорта, – сообщил Чет. – Только представьте, какую историю вы сможете рассказать коллегам, когда вернетесь на работу!

Он засмеялся, сверкнув прекрасными зубами, и тут у него зазвонил телефон.

Чет взглянул на экран.

– Черт, надо ответить, – он поднял указательный палец: – Секунду.

Я продолжала прихлебывать тошнотворно приторный

коктейль.

По тону разговора звонок производил впечатление срочного.

Дождавшись окончания разговора, я спросила:

– Все в порядке?

– Да, очередной рабочий момент. К сожалению, я должен идти.

Меня охватило разочарование: значит, все-таки ничего не случится?

– Оу. О'кей, тогда давайте все забудем. – Я тоже поднялась со стула. – Приятно было познакомиться.

Брюнет принял мою руку, но вместо того чтобы ее пожать, вдруг притянул меня к себе. Не успела я опомниться, как его мягкие губы прижались к моим.

Все стало странно тихим, будто мир остановился, и я погрузилась во вкус и запах незнакомца.

Когда его язык только проник в мой рот, поцелуй был нежен, но через несколько мгновений стал настойчивым, будто между нами проскочила искра, воспламенив все вокруг. Наши языки затеяли сладострастную борьбу; пусть мы с Четом только что встретились, но необъяснимая тяга сделать именно это казалась правильной.

Рука взлетела сама, и пальцы принялись запутываться в его шелковистых густых волосах, трогая красавца брюнета без всякого стеснения, будто мы были давно знакомы. Низкий стон удовольствия, от которого дрогнули губы Че-

та, отозвался во мне вибрацией, по телу пробежала сладкая дрожь. Я совсем не знала этого мужчину, однако больше всего на свете мне вдруг захотелось продолжать. Порой простым инстинктом понимаешь, что мужчина, который так хорошо владеет языком при поцелуе, способен этим языком на множество других замечательных вещей. Признаюсь, я еще никогда не влажнела от поцелуя.

Чет отодвинулся – взгляд у него был затуманенный. Мы оба немного запыхались.

Я хотела большего.

Вернись, я все прощу!

Заикаясь, я начала:

– Это было...

Чет длинно выдохнул:

– Да...

Черт побери, поцелуй вышел на мировой рекорд!

Неловко посмеявшись, мы заметили, что на нас все смотрят. Нэнси сидела с отвисшей челюстью.

– Можно мне вам позвонить? – спросил Чет.

Я не задумываясь ответила:

– Буду очень рада.

Он протянул мне свой мобильник.

– Введите, пожалуйста, номер.

Неверными от возбуждения пальцами я торопливо вбила телефон, будто все это сон и надо успеть набрать все цифры до конца, прежде чем наступит пробуждение и Чет раство-

рится в воздухе.

– К сожалению, мне надо спешить, но я скоро позвоню.

– Удачно вам разрулить... то, что вам нужно разрулить.

– Боюсь, до конца дня я потерян для работы.

Я почувствовала, как загорелись щеки.

Я тоже.

Чет подмигнул.

– До свидания. – Уже от дверей он обернулся и добавил:

– Кстати, это было все равно что целоваться с новогодней елкой.

Я и забыла, что на языке у меня остался вкус можжевельного зелья.

– До свидания, Чет... – прошептала я, когда он уже вышел из кафе.

Когда я вернулась за наш стол, Нэнси обмахивалась меню.

– Ну ты даешь! В себя поверила, что ли?

– Да, – блаженно улыбнулась я, – это было... оно было...

Он был...

Я не находила слов.

– Только гляньте на нее! – вовсю веселилась Нэнси. – Никогда тебя такой не видела.

Я машинально махнула залпом остаток зеленого коктейля.

– Так я ничего подобного никогда и не чувствовала...

Глава 2

Марго

Мы с Нэнси сидели на лестнице здания суда и ждали. Я кивнула на киоск на колесах, где мы только что купили кофе:

– А слабо тебе зайти туда и начать принимать заказы?

Владелец только что убежал в магазин напротив, выставив табличку: «Буду через две минуты», однако у киоска уже начала собираться очередь жаждущих кофе.

– С ума сошла, меня же арестуют!

– Ты же адвокат, выкрутишься.

Нэнси допила остаток кофе из пластикового стаканчика и встала.

– Пожалуй, я у тебя в долгу, раз этот целующийся бандит так и не перезвонил... А я так на него надеялась! – вздохнула она.

Между прочим, я тоже. Много дней я то и дело проверяла телефон, не сомневаясь, что красавец брюнет из кафе позвонит – пресловутая химия между нами зашкаливала (по крайней мере, мне так казалось). Но этот гад не позвонил.

Я смотрела, как Нэнси подошла к киоску, незаметно огляделась и скрылась внутри. Через несколько секунд она с блокнотом в руке помахала мне из окошка, принимая первый заказ. Я зажимала руками рот от смеха, глядя, как она делает кофе и рассчитывается с покупателями, но мое кудах-

танье сразу прекратилось, когда с противоположного тротуара раздался разъяренный вопль. Хозяин киоска замахал руками, останавливая поток машин, и бросился через улицу, едва не угодив под автомобиль.

– Блин! – я вскочила.

Нэнси исчезла из окошка, как раз когда владелец обежал свой киоск. Когда я подросла, у подруги уже все было под контролем.

– Спасибо, Ахмед, – Нэнси поцеловала владельца в щеку, и он со стоном полез в свою палатку, огрызнувшись:

– Женщина, твое место в зале суда, не лезь в мой киоск!

– Чего? – не удержавшись, засмеялась я.

Нэнси пожала плечами:

– Я сказала, что я адвокат-индивидуал, а индивидуальным предпринимателям, как мы с Ахмедом, надо всячески поддерживать друг друга.

– Слушай, только ты можешь рассмешить меня до колик, когда я пришла в суд на заключительное слушание по моему разводу.

Нэнси озабоченно взглянула на экран мобильного, проверяя время.

– Черт, давай быстрее! Судья Хэллоран повернут на пунктуальности.

Очередь на досмотр оказалась в милю длиной – видимо, народ дружно решил, что сегодня прекрасный день для разводов. Служебная, для адвокатов, очередь была короче, и

Нэнси метнулась туда, чтобы по крайней мере быть на месте к началу слушания. Я же ворвалась в нужный зал на втором этаже только минут через пятнадцать. Массивная дверь была закрыта, и при моем появлении судья уставился прямо на меня. Я замерла. Все головы повернулись ко мне. Это было как если бы вдруг выключили оглушительную песню. Мне даже показалось, что я ошиблась залом, но в судейском кресле сидел его честь Хэллоран.

– Чем могу быть полезен?

– М-м-м... Э-э-э... Мне сюда... У меня тут адвокат... Сегодня слушается мое дело.

Судья снял очки.

– А на каком месте в сегодняшней повестке дня ваше слушание?

– Что?

Судья вздохнул и посмотрел на стоявшую справа Нэнси:

– Вы проинформировали свою клиентку, что суд начинается в девять тридцать?

– Да, ваша честь. Приношу свои извинения, очередь на досмотр сегодня очень длинная.

Хэллоран надел очки и взял первый документ. Нэнси перехватила мой взгляд и жестом велела кубарем лететь к ней. Судья не стал дожидаться, пока я займу свое место, и забубнил какую-то юридическую тарабарщину, пока я пристыженно шла по залу. Приблизившись к перегородке, отделявшей, так сказать, игроков от зрителей, я допустила ошибку,

взглянув на соседнюю половину зала. Мой вскоре-бывший муженек расплылся в фальшивой улыбке – вот негодяй! – но оторопела я при виде стоявшего рядом с ним брюнета.

Оторопь не способствует быстрому перемещению, поэтому я, открывая деревянную дверцу, оступилась и споткнулась.

Приземлившись на задницу, я посмотрела на судью. Хэл-лорана это не позабавило.

Человек, ставший, простите за каламбур, причиной моего падения, оказался рядом и подал мне руку, чтобы помочь подняться.

Я не верила своим глазам.

Адонис из кофейни!

Скотина, который так и не позвонил!

Ну и соответственно адвокат Рекса.

Я знала, что его представляет некий Честер Сейнт, но мне и в голову не приходило, что Честера можно называть Четом! У меня сразу возникла масса вопросов: тогда, в кафе, он знал, кто я? Неужели он с самого начала играл в какую-то недостойную игру?

Помогая встать, Чет шепнул мне на ухо:

– Видимо, это вам прилетело за вашу шуточку. Карма, что поделаешь.

Не найдясь с ответом от растерянности и возмущения, я поднялась с пола. Честер Сейнт, эсквайр (он же Чет, он же Целующийся Бандит), вернулся за свой стол. Тупо стоя

в проходе, я смотрела ему вслед. Судья Хэллоран шумно вздохнул.

– Мисс Адамс, если вы не ушиблись, займите наконец свое место! Вы уже получили свою порцию общего внимания.

Я заморгала и поглядела на Нэнси. Подруга ответила взглядом «быстро ко мне, идиотка!».

– Гм, сейчас. Простите, ваша честь.

Судья продолжал:

– Мистер Сейнт, почему вы ходатайствуете об отложении слушания? Данный развод совершается по взаимному согласию, и в части раздела имущества стороны тоже не имеют друг к другу претензий.

«Мистер Сейнт» встал и застегнул пиджак.

– Ваша честь, мы лишь недавно обнаружили вероятное несоответствие в оценке имущества, принадлежащего мисс Адамс, поэтому нам понадобится некоторое время для проверки.

Судья взглянул на Нэнси.

– Вы с этим согласны?

– Нет, ваша честь.

– Еще бы, – пробормотал судья.

Нэнси показала на стол ответчика:

– Я получила ходатайство о переносе слушания всего пять минут назад, одновременно с вами, ваша честь. По моему мнению, в этом вопросе проблем возникнуть не может – моя

клиентка и мистер Адамс согласились на раздел имущества по праву справедливости и на основе взаимного доверия.

Судья обвел взглядом другой стол:

– Так в чем же вы видите проблему, мистер Сейнт?

– Нам стало известно, что у мисс Адамс имеется незадекларированный банковский счет с крупным вкладом.

Я вытянула шею, чтобы видеть своего бывшего из-за сидевшей рядом Нэнси.

– Какой еще счет, какой вклад? Ты потратил все наши сбережения на шлюшку, которую взял себе в секретарши, хотя она не умела ни печатать, ни отвечать на телефон! Должно быть, ключевую роль сыграли иные ее умения?

Нэнси на меня шикнула.

Судья не был столь вежлив.

– Мисс Адамс, на заседания суда надо являться вовремя, а во время слушания хранить молчание, если вам не задали вопроса. Вы меня поняли?

– Так я же... – Нэнси схватила меня за локоть, предупредив без слов. Я сдержалась и тихо ответила: – Да, ваша честь.

– Раз у нас так занято проходят встречи, давайте повторим. – Судья надел очки и посмотрел в зал. – Ходатайство о переносе слушания удовлетворено. Следующее заседание назначаю через три недели. – Он взглянул на меня поверх очков. – И не опаздывайте, мисс Адамс.

Голова у меня пошла кругом: я не понимала, что происходит. Красавец из кафе – адвокат моего мужа, а у меня, ока-

зывается, припрятано богатство?!

Я повернулась к Нэнси.

– Что за хрень?

– Сама у тебя собиралась спросить.

Мистер Сейнт в сопровождении своего клиента подошел к нашему столу и заговорил, обращаясь к Нэнси:

– Нам потребуется информация об общих счетах в банке «Торонто-Доминион».

– Какие общие счета? – опешила я. – Я не являюсь клиентом канадского банка! – И тут меня осенило. Я волкомглянула на Рекса. – Так ты про бабулины деньги? Это же ее счет, он только формально общий, чтобы я могла ходить за нее в банк, пока она болеет!

Рекс промолчал, зато его адвокат отчеканил, глядя на меня в упор:

– Эта информация нужна нам к концу недели.

Глава 3

Чет

Две недели спустя

Стоя в приглушенном свете красно-зеленых гирлянд, я чувствовал себя в людском море рыбой, вынутой из воды. Вокруг все выглядели нелепо. Я не хотел иметь ничего общего с этим корпоративным праздником, но меня пригласил один из самых солидных клиентов, отказаться было неудобно. Я решил с часок поторговать лицом и уйти.

В принципе я не против вечеринок, но эта была тематической и рождественской, а Рождество вообще не моя тема. Ну кто, черт побери, устраивает карнавалы в декабре? Мне пришлось придумывать что-то в последнюю минуту, и я остался недоволен результатом: в магазине нашлись только два костюма моего размера, а ехать куда-то еще времени не осталось.

После второго праздничного пунша с ромом настроение у меня немного поднялось... и тут я увидел ее.

Она явно заметила меня раньше, потому что ее взгляд только что искрами не сыпал, буравя во мне дыры.

Она-то что здесь делает?

Марго.

Маргарет Адамс.

В скором будущем – экс-супруга моего клиента Рекса Адамса.

Эта женщина неизменно выглядела изумительно: длинные светлые волосы омбре, темнее у корней и платиновые к концам, оттеняло сексуально поблескивавшее алое платье с длинными рукавами и вырезом до пупа – боже!.. Образ дополняли красные туфли на убойных шпильках. Об этой женщине я фантазировал много дней, пока случайно не выяснил, кто она такая.

Кстати, а почему она не в костюме какой-нибудь снежинки?.. Я горько пожалел, что малодушно повелся, решив, что рядиться обязательно. Марго выглядела как нормальный человек, а я стоял Эльфом Бадди в желтых лосинах, тщетно стараясь сохранить остатки человеческого достоинства.

Я не ожидал увидеть ее до очередного заседания суда и до сих пор не мог привыкнуть к мысли, что Марго из кафе и есть Маргарет Адамс.

Я покосился на дверь, но улизнуть было поздно, она уже заметила мою желтую задницу. Не успел я глазом моргнуть, как Марго оказалась рядом.

– Так-так-так, кто к нам пожаловал – сам Эльф Бадди, он же Целующийся Бандит, он же Честер Сейнт собственной персоной! Кстати, можете смело менять фамилию на что-то более подходящее адвокату дьявола. Что вы здесь делаете?

– Это компания одного из моих клиентов, я получил приглашение. Хотя, по-моему, вечеринка в костюмах героев Рождества – идиотская идея.

– Спасибо, это я придумала. Я организатор этой вечеринки.

Блин, я и забыл, чем она занимается! Вот чем объяснялось ее присутствие и нормальный, не дурацкий внешний вид.

Марго продолжала, не сводя с меня взгляда:

– Значит, Карл Роудс и ваш клиент? А он знает, насколько вы продажны и бессердечны?

Я невольно сжал бокал.

– Не понял.

– Решили наложить лапу на деньги моей бабушки? На сбережения восьмидесятилетней старухи, с которых она платит за свое лечение? Ваша наглость поистине не знает границ. Раз вы такая хорошая ищейка, найдите лучше деньги, которые у меня украл Рекс! Я-то имела глупость поверить, что акции, которыми я владела, отчего-то резко упали в цене в прошлом году.

– Сейчас не время и не место это обсуждать. Я не привык разговаривать о делах в костюме Бадди-Эльфа.

– А по-моему, шутовской костюм вам отлично подходит. Можно было догадаться, что Рекс подберет адвоката еще подлее себя.

Прежде чем отвечать, я вылил в горло остаток коктейля, пожалев, что там мало алкоголя. Мне требовалось что-то,

блин, покрепче, чем какой-то пунш с ромом.

Она назвала меня продажным? Но я лишь делал свою работу, выявив счета, имеющие отношение к ней и ее бабке! Я дел пока не проигрывал и не собираюсь, пусть мои клиенты не всегда правы. Рекс Адамс был мне антипатичен, я понимал, что он непорядочен, и про себя сочувствовал его бывшей жене... пока не познакомился с ней лично.

Но теперь всякое сочувствие к ней испарилось. Так я, значит, подлец? Кто бы говорил, если вспомнить, как сама она поступила со мной!

– И очень любезно, что вы еще в кафе представились адвокатом моего мужа! – хорохорилась Марго.

– Вы издеваетесь? Откуда мне было знать, кто вы?

Она подбоченилась.

– Да как вы могли не знать?..

– Вы назвали Марго. Супругу Рекса, насколько я знал, зовут Маргарет. Мне и в голову не пришло, что вы – это она.

– Меня все называют Марго, и я со своим адвокатом сидела в кафе, куда не соизволил явиться ваш клиент! Чего вы там торчали, раз Рекс все отменил?

– Я приехал в кафе к назначенному времени. Рекс позвонил мне за несколько минут до того, как подошли вы, и сказал, что это вы отменили встречу в последнюю минуту.

– Ого! Это на него похоже, – отрезала Марго и остро взглянула на меня. – Он прожженный лжец, я бы никогда не отменила переговоры по разводу. Жду не дождусь, когда осво-

божусь от этого брака!

– Между прочим, в документах указано, что вас представляет мужчина. Откуда мне было знать, что подружка, которая до сих пор берет вас на слабо, – ваш адвокат?

– Она меня выручила, – буркнула Марго.

Недоверчиво качнув головой, я сказал:

– Слушайте, я понятия не имел, что вы – это вы. Если бы знал, пальцем бы до вас не дотронулся.

– Значит, вы ни о чем не подозревали и у вас просто хобби развлекаться, соблазняя женщин?

Да она что, обкурилась?

– Соблаз... это вы ко мне подошли!

В ее тоне прорвалось искреннее волнение:

– Но вы так и не позвонили!

Ну знаете!..

Я подался вперед и процедил ей в лицо:

– Трудно дозвониться, если пишут неправильный номер телефона!

Ее глаза расширились:

– В смысле?!

– Я позвонил в тот же вечер и попал на какого-то Маурицио, который не стал стесняться в выражениях, когда я перезвонил вторично спустя десять секунд. Парень подтвердил, что это его номер, а не ваш.

Взгляд Марго растерянно заметался.

– Как же так? Неужели я неправильно записала? У вас он

еще остался, ну, мой номер в телефоне?

Я вынул из кармана мобильный и открыл номер с именем Марго. Сам не знаю, почему я не стер этот контакт. Марго взгляделась и помрачнела, искренне огорчившись.

Кашлянув, она призналась:

– Я ввела 4229 вместо 4299. Но я не хотела давать вам неправильный номер.

Неожиданный поворот истории, на которую я уже хотел махнуть рукой!

Немного смягчившись, я сказал:

– А я думал, вы играете в странную игру – целуете по городу незнакомых мужчин и пишете им телефоны с потолка с целью посмеяться.

Марго заглянула мне прямо в глаза и ответила:

– Я бы никогда с человеком так не поступила. Да и зачем мне писать вам неверный номер после того чудесного поцелуя?..

Осекшись, она замерла с приоткрытым ртом, ошеломленная вырвавшимся у нее признанием. Видимо, не ожидала от себя подобной откровенности.

Я хотел сказать, что целый день только и думал о мягкости и вкусе ее губ. Несколько недель мне снились сны о можжевельнике... Я был рассеян нехарактерно долго для себя. После кафе я хотел выждать минимум сутки, но проглотил гордость и позвонил тем же вечером, надеясь уговорить Марго встретиться со мной. Я бы приехал куда угодно, лишь бы

увидеть ее снова.

Но теперь, когда я знал, кто она, признания исключались. Простой разговор с Маргарет Адамс являлся конфликтом интересов.

– Похоже, мы стали жертвами досадного недоразумения, – проговорил я наконец.

– Значит, вы мне все-таки звонили? – спросила Марго с огоньком в глазах.

– Попытался, – я кивнул.

Марго поморгала, глядя куда-то в пространство, и снова взглянула на меня. В иной ситуации недоразумение разрешилось бы к лучшему, но сейчас? Что прикажете делать? Мы в тупике.

Мой взгляд рассеянно скользнул вдоль смелого декольте, открывавшего не только ложбинку между грудей, но и прекрасную кожу ниже, и мне вдруг захотелось поправить кое-что под желтым спандексом лосин. Момент возбуждаться был самый неподходящий – не только потому, что мой пах обтянут до неприличия, но и оттого, что Марго Адамс официально последняя женщина на Земле, к которой я имею право чувствовать страсть.

– Слушайте, Маргарет, я против вас ничего не имею, но я работаю на своего клиента.

Она выдохнула.

– Да я понимаю... И не сомневаюсь, что Рекс и вам врет напрапалую. Он патологический лжец, Чет. – Ее голос за-

дрожал. – Он мне изменял, хотя причин у него, поверьте, не было... Я хотела побыстрее развестись и забыть об ошибке под названием «брак», но Рекс продолжает портить мне жизнь. Я считаю, что заслуживаю быть с честным человеком, которому я могу доверять...

– Абсолютно заслуживаете, Марго, – без колебаний подтвердил я.

Рекса нужно показать психиатру. Изменять такой женщине!..

Но отчего я начал снова называть ее Марго? Марго – это женщина, с которой я целовался в кафе; передо мной сейчас Маргарет, жена моего клиента, о которой я и думать не имею права. Однако, глядя на нее, я видел милую, красивую и порядочную женщину, и все, чего мне хотелось, – позволить себе недопустимое: снова ее поцеловать.

– Можно личный вопрос? – спросила она.

– По делу, которое я веду? Клянусь, существуют строгие правила насчет конфиденциальности данных клиента, я не имею права обсуждать что-либо без присутствия вашего адвоката...

Марго покачала головой.

– Я не про Рекса. Сугубо общий вопрос.

Строго говоря, я не только не имел права обсуждать дело о разводе, но и лично общаться с Маргарет Адамс. Рекс рвал бы и метал, узнай он, что я вел светскую беседу с его женой... едва сдерживая желание наклониться и вдохнуть за-

пах ее волос.

Блин, откуда взялось это желание? Я действительно вот-вот не выдержу и понюхаю ее чертовы волосы. Следовало заканчивать разговор, и побыстрее. Это я и хотел сделать, но у меня неожиданно вырвалось:

– Пожалуйста. Что за вопрос?

– Почему вы защищаете интересы всяких жлобов?

Я подавил смешок. Все-таки вопрос по делу о разводе (на Рексе и правда пробы ставить негде). Откашлявшись, я дал стандартный ответ:

– Конституция Соединенных Штатов гарантирует каждому гражданину право на надлежащее судопроизводство, в том числе представление его интересов компетентным адвокатом. Если адвокаты будут защищать только невинных – не жлобов, пользуясь вашей терминологией, – наступит крах системы правосудия.

Марго испытующе смотрела на меня, потирая подбородок.

– Иными словами, вы представляете жлобов, потому что наши отцы-основатели создали систему «сдержек и противовесов»?¹

– Вот именно, – я кивнул.

– Хотите знать мое мнение?

Ее тон не обещал ничего хорошего, однако я снова с удив-

¹ Принцип взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, исполнительной и судебной власти (*юр.*). (Здесь и далее примечания переводчика).

лением услышал свой собственный ответ:

– Сделайте одолжение.

Марго шагнула ко мне вплотную и приподнялась на мыски, так что мы оказались почти одного роста и нос к носу:

– Я думаю, вы мне лапшу вешаете!

Мы смотрели друг на друга секунд тридцать – я не мог отвести глаза. Не в силах сдерживаться дольше, я улыбнулся. Тут же искренняя улыбка осветила лицо Марго, и через мгновение мы уже хохотали. Марго держалась за живот; в какой-то момент она хрюкнула, что вызвало новый обоюдный взрыв смеха.

Утирая глаза, она с трудом проговорила:

– Да как вы это делаете? Только на этот раз без трепя, пожалуйста!

Я пожал плечами.

– Разве у вас не бывало клиентов, к которым не лежала душа?

– Бывали, но я всего лишь организую таким жлобам вечеринки или, допустим, предложение руки и сердца в торжественной обстановке, чтобы вид у них был попригляднее, а не вытираю ноги о недругов таких клиентов.

Возразить было нечего. Я действительно устал браться за дела людей, которых в детстве не познакомили с понятием морали. По этой причине я с некоторых пор подумывал уволиться из нашей конторы и открыть собственную практику. Иногда берешься за дело, думая, что защищаешь зашуган-

ного дитятю, но, выслушав версию противной стороны, начинаешь подозревать, уж не твой ли клиент главный хулиган; в таких ситуациях у адвоката связаны руки. То, что Рекс отнюдь не жертва, я понял спустя полминуты общения, однако деваться мне было некуда, потому что я приучен рассматривать клиентов как толстые кошельки, откуда берется, в частности, моя почасовая оплата.

– Моя работа не всегда простая и приятная, – вздохнул я.

Марго наклонила голову, глядя на меня.

– Очень жаль, – ответила она.

– Жаль, что я адвокат?

– Нет, что вы адвокат Рекса.

– Почему?

Она взглянула на часы и вновь вскинула на меня глаза, покусывая нижнюю губу.

– Потому что я на сегодня уже отработала, а вы стоите под одной из омел, которые я лично развешивала утром.

Я невольно поглядел вверх. Елки-палки, так и есть... Больше всего на свете мне хотелось покрепче обнять Марго и поцеловать так, чтобы у нее дух захватило, – поцелуй в кафе долго не давал о себе забыть. Однако я не мог себе этого позволить. Я уже хотел не без сожаления сообщить об этом Марго, когда она вдруг повернулась и пошла к выходу.

Что за...

Марго оглянулась через плечо и хитренько улыбнулась.

– До новых встреч, мистер адвокат. Провожайте меня

взглядом, не стесняйтесь, если, конечно, это не нарушает ваших профессиональных правил.

Я смотрел, как Марго Адамс идет по залу. Алое платье обтягивало ее потрясающий зад, подол ритмично покачивался из стороны в сторону. Истекать слюной, глядя на оппонента твоего клиента, действительно непрофессионально, но я тихо радовался, что не позволил себе большего.

Вот коснуться Марго Адамс было бы серьезным нарушением профессиональной этики.

Однако в глубине души я не сомневался – Марго стоит любых жертв.

Глава 4

Чет

Я решил сыграть в игру «кто первый струсит».

Помните правила? Два водителя мчатся навстречу друг другу; один из них вынужден свернуть, чтобы не разбиться в лепешку, и все единодушно признают, что у второго яйца больше.

– Мистер Сейнт? – послышался в интеркоме голос моей помощницы Лидии. – Пришел клиент, назначенный на три часа.

– Отлично, запускайте его через пять минут.

Я убрал со стола документы по другому делу и вынул из ящичка желтую картонную папку с моими банковскими выписками. Сегодня у меня точно самые большие яйца в этом кабинете, однако иногда, в редких случаях, ни одна сторона не желает свернуть, и столкновение неизбежно. Несколько первых страниц я перевернул, чтобы не было видно имени владельца счета.

Ровно через пять минут Лидия постучала и открыла дверь. Я встал и застегнул пиджак, прежде чем обойти стол. Рекс Адамс вошел в мой кабинет, как к себе домой.

Интересно, он всегда такой наглец?

Я привычно сверкнул фальшивой улыбкой и протянул руку.

– Рекс, рад вас видеть. Хорошо, что вы смогли прийти.

– В три часа в пятницу, – недовольно проворчал он. –
Сплошные пробки, черт побери!

– Мне очень жаль, но это было единственное свободное время.

Не считая сегодняшнего утра в десять, вчера в одиннадцать, двенадцать и час, а позавчера вообще целый день – в канун Рождества клиенты не ломаются на прием к адвокату по разводам. Как ни прискорбно, я забыл упомянуть свободные часы, когда звонил Рексу с просьбой выбраться ко мне перед следующим слушанием. Ай-ай-ай, какой я рассеянный. Ну, подай на меня в суд, если хочешь.

– Прошу, – я указал на стулья для посетителей, а сам небрежно присел на угол стола. При переговорах поза многое значит, и сейчас я вовсе не случайно смотрел на Адамса сверху вниз. Поправив галстук, я взял со стола папку с моими выписками и начал, держа ее в руке:

– Занимаясь поиском незадекларированных банковских счетов, могущих принадлежать вашей супруге, наши специалисты неожиданно для себя обнаружили другой счет. Информация поступила ко мне совсем недавно, – я уверенно держал папку за корешок и помахивал ею, чтобы Рекс не мог ничего прочесть, но разглядел, что там банковские выписки.

– У Маргарет есть еще один счет? Я так и знал, что эта сучка что-то утаивает!

У меня непроизвольно сжались челюсти.

– Нет, счет открыт на ваше имя.

– Как это так?

– Видимо, это один из тех счетов, которые вы сочли возможным от меня скрыть, – я скрестил руки на груди, собравшись для крупнейшего блефа в моей карьере и рискуя, что Рекс рассмеется мне в лицо. – Похоже, сюда переводились средства, снятые с вашего семейного счета.

Но Адамс и бровью не повел.

– Ах, этот, в «Банко Попьюлар»... Но он не на мое имя, а на Мэрибел, я только бенефициар.

Брови у меня сошлись на переносице.

– Простите, кто эта Мэрибел?

– Моя девушка.

– А, понятно. Стало быть, это новый счет, который вы открыли, покинув супружеский кров?

– Нет, мы открыли его пару лет назад. Но не на мое же имя!

Этот Адамс – кусок дерьма.

Я бросил папку себе за спину на стол и поплотнее сплел руки, чтобы ненароком не врезать негодяю.

– Мы не указали этот счет в числе принадлежащего вам имущества, а список предстоит представить в суд на следующей неделе, – деловито сказал я.

– Да это иностранный банк, мы не обязаны его указывать!

Я едва сдержал смех.

– Так дела не делаются. По закону мы обязаны указать все

вероятные активы, в том числе оборотные средства.

Адамс двинулся на стуле.

– Ну так притворитесь, будто вы о нем не знаете!

Именно на эту просьбу я и рассчитывал.

– Простите, не могу.

– Это еще почему? – Рекс покраснел от злости.

– Потому что это называется сознательным обманом и нарушением профессиональной этики.

Он вскочил со стула и рванул ко мне:

– Вы же адвокат, черт побери!

Я встал. Мои шесть футов два дюйма позволяли снисходительно взглянуть на Рексовы пять и восемь, или сколько там в нем.

– Вы хотите сказать, что адвокатам начхать на этику?

Он чуть сбавил агрессивный тон.

– Слушайте, но вы не можете упомянуть этот счет!

Я обошел стол и сел в свое кресло. Миссия выполнена; теперь либо я откажусь его представлять, либо он уволит меня. Мне было все равно.

Я уселся поудобнее – у меня будто гора упала с плеч. Зато Рекс теперь сидел на краешке стула, едва сдерживая беспокойство.

– Мистер Адамс, у меня, видите ли, связаны руки. Раз я знаю об этом счете, я не могу представить суду перечень принадлежащего вам имущества без этого счета. Это будет приравнено к лжесвидетельству.

– Чепуха, ваша задача защищать мои интересы!

Я развел руками.

– Простите, но либо вы прибавляете этот счет к перечню перед очередным слушанием, либо я не смогу вас представлять.

– Тогда вы уволены!

Бинго.

С Рождеством меня, блин.

* * *

Оставалась одна мелочь, которую надо было сделать до праздников. Я передал Лидии для регистрации подготовленное ходатайство об отказе представлять в суде Рекса Адамса, проверил в онлайн-банке, депонирован ли чек на мой годовой бонус, и решил, что, раз делать себе подарки так весело, надо сделать себе еще один. Пройдясь по коридору, куда выходили двери кабинетов старших компаньонов фирмы, я постучал в дверь единственного присутствовавшего на этой неделе – Милтона Флеминга. Я его не любил. Несколько раз, когда меня приглашали на пикники для руководства (обычно потому, что у меня лучший гандикап в гольфе в нашей конторе), Флеминг только и делал, что поливал грязью других сотрудников и красочно описывал, кого из помощниц он бы нагнул у ксерокса.

– Честер! Входите. Ну, как там гольф поживает?

В декабре в Нью-Йорке поля для гольфа покрыты снегом, но я ответил в тон:

– Отлично, просто отлично!

– Чем могу быть полезен?

Я подошел к столу и протянул конверт, который Флеминг принял.

– Я увольняюсь. Я был счастлив проработать пять лет в «Флеминг, о’Ши и Лидс», но пришло время двигаться дальше.

Широкие кустистые брови Флеминга двинулись навстречу друг дружке и сошлись на переносице. Раньше я не замечал, что они похожи на двух мохнатых гусениц, пытающихся спариться.

– Вопрос в деньгах? Вы недовольны размером годовой премии?

– Нет, бонус хороший, благодарю вас, просто я уже готов вести собственную практику.

– А клиентам вы уже сообщили?

Заведенной практикой в нашей компании было сперва извещать клиентов, а уже потом начальство, и уводить клиентуру с собой.

Я покачал головой.

– Нет, клиенты ваши, делайте с ними, что сочтете нужным.

– Это довольно неожиданно. Мне казалось, вы всем довольны...

Я чуть не рассмеялся. Откуда Флемингу знать, доволен я или нет? Он ни разу не удосужился поинтересоваться.

– Ничего личного. – Я указал на конверт. – Я написал, что останусь до конца года, но готов пойти навстречу, если меня попросят поработать чуть дольше.

Флеминг вздохнул.

– Ну что ж... Остальным я скажу сам. Уверен, все будут очень огорчены.

– Хороших праздников, – сказал я.

– А, да-да, вам тоже.

Покончив с рождественскими подарками на работе, я приступил к последнему предпраздничному плану: запер кабинет и пошел к выходу, набирая в «Гугле» «Звездные праздники».

Глава 5

Марго

– Как ты насчет небольшого пари?

Господи, вот уж чего мне сейчас точно не надо!.. Однако, не в силах побороть дурацкую привычку, я со вздохом отозвалась:

– Только не надо чего-то из ряда вон. В этом году Санта мне под елку ничего не положит, и я до сих пор хандрю после потери одного желтого эльфа.

– То есть ты готова? – Нэнси приподняла бровь.

– Готова, готова, но не перегибай палку. Через час нам в суд, и я не хочу явиться всклокоченной и запыхавшейся.

Мы с Нэнси сидели в кафе за углом от здания суда. Каждые несколько секунд кто-нибудь входил или выходил, и я всякий раз невольно взглядывала на дверь, где звякали рождественские колокольчики. Надежда, что войдет некий адвокат, таяла с каждой минутой. Да что со мной не так? Из всех мужчин непременно надо сохнуть по человеку, которому по должности положено относиться ко мне минимум безразлично! Я отпила мятного горячего шоколада и снова вздохнула.

– Ну, в чем пари?

– Видишь вон тот ящик «Армии спасения»?

Я повернулась к окну.

– Допустим, вижу.

– Сдается мне, Санта оставил помятый «Лексус» на месте для инвалидов, притом что он совершенно здоров. Иди сними с двери эти дурацкие бубенцы, встань снаружи и пой «Динь-дилинь», пока кто-нибудь не опустит деньги в ящик!

Насчет пения мне медведь на ухо наступил, но Нэнси могла придумать задание и похуже, поэтому я вытащила из кармана перчатки и натянула пальто, пока подруга не передумала. Перед уходом я покачала пальцем у нее перед носом.

– Не вздумай меня снимать!

Нэнси приподняла ручонки, как маленькая мисс Невинность:

– Я? Да ты что, ни в жизнь!

Я округлила глаза, но пошла к двери. Незаметно огляделась, не видит ли кто, сдернула с ручки связку колокольчиков, вышла на улицу и встала возле ящика, предназначенного для сбора средств на благотворительность.

– Динь-дилинь, динь-дилинь, всю дорогу звон...

Черт, как там дальше-то поется? Ладно, какая разница. Я обернулась убедиться, что подруга меня видит, и затащила единственную строчку, которую знала:

– Динь-дилинь, динь-дилинь, всю дорогу звон...

Нэнси покачала на ладонях что-то невидимое, показывая мне петь громче. И я запела, улыбаясь как безумная:

– Динь-дилинь! Динь-дилинь! Ля-ля-ля-ля-ля!!!

Нэнси выставила большие пальцы. Продолжая немужи-

кально орать восемь слов припева, я отвернулась от окна и увидела человека, стоявшего передо мной.

И не какого-нибудь незнакомца.

А Чета.

– Динь-ди... – осекшись, я замолчала.

– Подработка? – поинтересовался Чет.

– Пари. Можете опустить в ящик доллар, чтобы я перестала петь?

Чет полез за бумажником, вынул десятидолларовую банкноту и помахал у меня перед носом:

– Значит, мне нужно всего лишь опустить это в ящик, чтобы вы смогли перестать петь?

– Да.

Он широко ухмыльнулся, убрал деньги в карман брюк, сложил руки на груди и прислонился к ближайшей колонне.

– Пойте.

У меня даже рот приоткрылся.

– Вы мне даже не поможете?!

– Помогу, вот только концерт послушаю.

Я прищурилась. Негодяй ответил насмешливой улыбкой.

У дверей остановилась приятная пожилая пара. Я показала Чету язык и запела в их сторону:

– Динь-дилинь, динь-дилинь, всю дорогу звон...

Старички отвернулись и поспешно зашли в кафе.

Чет захохотал.

Я голосила еще битых пять минут, проводив глазами ми-

нимум полдюжины новых посетителей, но все как один меня игнорировали. Наконец на улицу вышла Нэнси, опустила в ящик пятерку и подала, смеясь, мой горячий шоколад.

– В соседних кварталах уже собаки воют, нельзя так издеваться над животными! К тому же нам пора в суд.

Чет кивнул.

– Спасибо за концерт. Увидимся на слушании.

* * *

– Ваша честь, у меня ходатайство.

Нетерпеливый судья Хэллоран поморщился и жестом позвал к себе Чета.

Подавшись к Нэнси, я шепотом спросила:

– Что опять за фокусы?

– Не знаю, – ответила она. – Впервые слышу.

Чет подал судье какие-то бумаги, затем подошел к нашему столу и отдал такую же стопку Нэнси.

– Простите, что в последнюю минуту, – сказал он и подмигнул мне. У этого негодяя хватило наглости мне подмигнуть!

Некоторое время Нэнси и судья читали ходатайство, перелистывая страницы. Я ждала, когда мне кто-нибудь что-нибудь объяснит.

Наконец судья Хэллоран снял очки и потер глаза.

– Мистер Адамс, прошу вас встать.

Мой почти уже бывший муж, сидевший за соседним столом, поднялся на ноги.

– Ваш адвокат подал ходатайство об отказе от обвинения, утверждая, что вы отказались от его услуг. Это соответствует истине?

Что?! У меня глаза полезли из орбит, и я как ужаленная повернулась к Нэнси, которая шикнула на меня, встряхнув головой.

– Да, ваша честь, это правда.

Судья вздохнул.

– Терпеть не могу проволочек. Ваше право, но предупреждаю вас здесь и сейчас: это последняя отсрочка, которая дается по этому делу. Если адвокат другой стороны не возражает, слушание переносится на первую неделю января. Вы уже наняли нового адвоката?

– Да, ваша честь.

– Тогда где он, почему его сегодня нет?

– Он все праздники на Багамах, возвращается второго января.

– Ясное дело, – пробормотал судья и посмотрел в нашу сторону. – У вас есть возражения по поводу замены адвоката и коротенькой отсрочки, чтобы новый адвокат успел войти в курс дела?

Нэнси покачала головой.

– Нет, ваша честь, у меня нет возражений.

Судья Хэллоран снова надел очки.

– Ходатайство о замене адвоката удовлетворено. Слушание дела переносится на пятое января.

Он с чувством грохнул своим молоточком, и все присутствующие засобирались.

– Что это было? – спросила я Нэнси.

– С Рождеством! – улыбнулась она. – Надеюсь, тебе понравился мой подарок?

– Ты только что позволила моему разводу затянуться на следующий год, и это подарок?!

Нэнси нагнулась ко мне и сказала на ухо:

– Раз Чет больше не адвокат Рекса, можешь затрахать его до полусмерти, не забудь только упаковать его «подарок». И не благодари.

* * *

Чет будто сквозь землю провалился с того дня, как вышел из здания суда.

Проведя Рождество с родителями в Квинсе, я будто обрела второе дыхание. Я не привыкла брать отпуск, но, как оказалось, давно было пора.

Я не планировала возвращаться к работе до Нового года, но когда мне позвонили с заказом на приватный ужин с тройной оплатой против моих обычных расценок, я решила не отказываться. Это солидные деньги, а организовать ужин на двоих мне ничего не стоит. Ломать голову не пришлось –

секретарша заказчика сказала, что в творческом плане бразды правления передаются мне. Жаль было бы упустить такой заказ: когда мне дают полную свободу действий, я чувствую себя ребенком в кондитерской. Ужин планировался в канун Нового года, но подготовка таких мероприятий заканчивается довольно рано; от меня требовалось лишь показаться в самом начале, убедиться, что все идет гладко, и можно тоже отправляться встречать Новый год.

Не то чтобы у меня были планы, кроме как посмотреть Райана Сикреста, уписывая вишневое мороженое «Черри Гарсия». Меня не ждал красавец кавалер и не светило романтическое свидание и поцелуй в полночь: к сожалению, я все еще не могла отпустить фантазии о Чете Сейнте и подумать о ком-то другом.

Мне не верилось, что Чет уже не адвокат Рекса. Мое богатое воображение рисовало, как он, воспользовавшись отсутствием конфликта интересов, приударит за мной, но Чет не звонил и не писал. Стало быть, мы с ним не на одной странице.

Несмотря на неровное начало, наше взаимное влечение на костюмной вечеринке было явным и ощутимым: не будь Рекса, мы бы продолжили с того самого места, на котором остановились в кафе. Отчего же Рекс его уволил? Я подозревала, что даже Чет у поперек горла стало общение с таким жлобом, и он отказался играть в Рексовы игры. Теперь Чет свободен от Рекса... Хотелось бы мне сказать о себе то же

самое.

С этими мыслями я вошла в отель, где устраивался приватный ужин: оставалось убедиться, что все подготовлено должным образом. Я обзвонила свои контакты в лучших отелях с видом на Таймс-сквер и отыскала номер люкс, откуда заказчик сможет наблюдать за опускающимся шаром времени, вслух считая последние секунды уходящего года, но при этом не мерзнуть на улице и не толкаться в толпе. Лучшее из двух миров... Всегда выручавшая меня рестораторша согласилась срочно приготовить несколько блюд марокканской кухни. Почему марокканской? Потому что я, черт побери, была вольна выбирать что угодно и соскучилась по марокканскому стилю.

Номер люкс выглядел именно так, как я попросила своих помощниц его оформить: через стол перекинута традиционная марокканская скатерть-дорожка, по всему сьюту стратегически расставлены цветные лампы. Мы привезли в номер портьеры сочных оттенков натуральных драгоценных камней и яркие шелковые подушки. Обстановка выглядела таинственно и по-королевски роскошно, а из скрытых динамиков звучала марокканская музыка гнауа. Заказчик особо подчеркнул, чтобы им никто не мешал, поэтому скрипача за занавеску не посадишь.

Клиент потребовал встречи с организатором (мной) до начала приватного ужина, поэтому я осталась ждать этого знакомства. Стоя у окна в густо-фиолетовом, в тон убранству,

платье, я смотрела на огни на площади, думая, что заказчик решил приехать заранее и проверить, все ли сделано, как он хочет, а потом поразить свою подругу роскошным ужином. Я с клиентом ни разу не разговаривала, общалась только с его помощницей. Учитывая интимный характер ужина, я подозревала, что человек планировал сделать предложение.

– Мисс Адамс?

Услышав глубокий баритон, я вздрогнула. Обернувшись, и моя улыбка растаяла, сменившись выражением настоящего потрясения. Заказчик, одетый в безукоризненно сидевший смокинг, оказался тем, кого я совершенно не ожидала сейчас увидеть: Честером Сейнтом.

Четом.

Что он тут делает?

Чет кашлянул, оглядывая мое фиолетовое платье.

– Надеюсь, вы сможете остаться на ужин?

В смокинге он был положительно неотразим, а я... я была поражена. Недоуменно оглядевшись, я повторила:

– Остаться? Это все... для меня? Так это ты таинственный заказчик?!

– Конечно, это довольно театральный способ встретиться с тобой в неформальной обстановке, но мне показалось, что после череды недоразумений я должен тебе настоящий праздничный вечер.

Схватившись за сердце, я сделала несколько неуверенных шагов. Ноги подгибались.

– Вообще-то момент нашего знакомства – одно из лучших моих воспоминаний.

Чет улыбнулся.

– Верно, общение в кафе было чертовски приятным. Недоразумениями я назвал то, что случилось потом.

За большим окном сияли огни Таймс-сквер, но сейчас в мире не существовало ничего, способного отвлечь меня от Чета.

– Можно было пригласить меня в закусочную на бургеры, – нашлась я.

– Мне пришло в голову, что, если организацию частного ужина поручить тебе, все будет идеально и по твоему вкусу.

– А я-то голову ломала, кто эта счастливица, для которой заказан такой праздник! Мне и в голову не могло прийти, что это... я?

Сунув руки в карманы, Чет улыбнулся, от чего сделался само очарование.

– Ты не против разделить со мной ужин?

Ответ не требовал долгих размышлений.

Еле сдерживая переполнявшее меня радостное предвкушение, я с готовностью кивнула:

– Я только за.

Мы стояли почти вплотную друг к другу.

– Я не мог тебя забыть, – признался Чет. – После того разговора на вечеринке представлять Рекса в суде показалось

мне невозможным. По многим причинам.

– Ничего, что я вздохнула с облегчением, когда он тебя уволил?

Губы Чета изогнулись в улыбке, и он мне подмигнул.

– Я, можно сказать, сам подставился и напросился.

Я знала! Я так и знала, что он не случайно отказался от Рекса!

– Теперь у тебя будут неприятности на работе?

– Нет, я в тот же день уволился из конторы. Я открываю собственную практику и счастлив как никогда.

От этой новости я пришла в восторг: мне бы очень не хотелось, чтобы карьере Чета повредило маленькое происшествие с участием моего бывшего мужа.

– Чет, это потрясающе, это же новый старт!

Помолчав, Чет отозвался:

– Я и с тобой мечтаю начать все заново. Продолжить отсюда, на чем мы остановились в кафе.

По спине у меня пробежала сладостная дрожь. Я хотела этого еще больше.

– С удовольствием.

Чет оглядел меня всю и взглянул в глаза:

– Ты в этом платье просто грёза – такая красивая...

– Ты тоже! – Нервно хихикнув, я поправилась: – В смысле, смокинг тебе очень идет.

– На пати я расхаживал в лосинах Эльфа Бадди, поэтому сейчас, что ни напяль, уже прогресс.

Следующие несколько часов мы смаковали пряные деликатесы, приготовленные моей знакомой кулинарной волшебницей. Чем сидеть за столом, мы с комфортом расположились на шелковых подушках на полу. Негромкая марокканская гнауа творила свою магию.

Чет внимательно слушал историю моего брака с Рексом и в свою очередь описал некоторые из своих отношений. Мы говорили о карьере, надеждах и мечтах, открывали друг другу свои самые сокровенные тайны, и так хорошо мне не было уже очень давно. Видимо, пришла пора разговора по душам.

В какой-то момент мы с Четом засмотрелись друг на друга, и я почувствовала его желание, от которого у меня сладко заныли мышцы.

– Я собирался подождать до полуночи, но я очень хочу поцеловать тебя прямо сейчас, – сказал Чет.

Не раздумывая ни секунды, я без долгих слов подалась к Чету и прильнула к его губам, всем телом ощутив вибрацию его страстного стога.

Рот Чета оказался горячим и жадным. Мгновенно вернулась знакомая эйфория, испытанная еще в первый день в кафе, только на этот раз ее усиливало ощущение твердого тела, прижатого к моему. Я уже целую вечность не была с мужчиной и поняла, что не на шутку хочу Чета.

Запутываясь пальцами в его шелковистых волосах, я притянула Чета к себе и углубила поцелуй. С каждой секундой мы все больше увлекались друг другом. Я чувствовала жар

его эрекции через ткань брюк.

Я хотела этого мужчину.

Тогда, в кафе, я поцеловала Чета, стремясь доказать свою импульсивность, но сейчас мне не было нужды что-то доказывать: я не могла остановиться, даже если бы захотела. Никогда еще мне не казалось абсолютно естественным дать волю чувствам и позволить себе потерять голову. А Честер, несмотря на свою фамилию, оказался вовсе не святым (чему я была несказанно рада).

Нет необходимости говорить, что мы так и не посмотрели, как опустился шар времени. Но это неважно, потому что фейерверк в нашем съюте был куда ярче, чем все, что трещало и сверкало на Таймс-сквер, и я вдруг поняла, что наступивший год будет лучшим за всю мою жизнь.

Туши свет, любимая

Глава 1 Джози

– Что вы делаете, черт побери?

Нагнувшись, я обматывала елочной гирляндой основание почтового ящика, но, услышав грубый мужской голос, вздрогнула. Выпрямилась, стукнувшись головой о дно ящика.

– Уй-й-й... – потирая макушку, я нехорошим взглядом уставилась на соседа, заставшего меня врасплох. Остановив свой карикатурно громоздкий джип посреди улицы, грубиян начал общение, опустив стекло. – Нельзя так подкрадываться к людям! А вы сами не видите, что я делаю?

Он оглядел мой двор и бросил:

– Весь газон будто заблеван Рождеством!

Я начала закипать. Этот сосед вечно всем недоволен, притом что внешность у него самая приятная – как у британского актера из фильма «Дивергент», Тео как-бишь-его. Но даже если у него полные губы, волевой подбородок и глаза цвета расплавленного шоколада, я не стану мириться с оскорблениями в адрес моей гордости и отрады, рождественской

выставки.

Руки сами уперлись в бока.

– Я еще только начала. Чтобы все расставить, у меня уходит недели две.

– То есть будет и еще?!

– Конечно!

Сосед только головой покрутил.

– Лампочки на вашей крыше будут ночью светить мне в окна!

Я чуть не рассмеялась. Так он портит себе кровь из-за двух жалких гирлянд, которые я натянула еще днем? Он и представить себе не может, какой иллюминацией будет сиять дом и двор к первому декабря – космонавты из космоса будут наслаждаться этим сиянием с Рождества по Новый год!

Я пожалала плечами.

– А вы повесьте у себя непроницаемые шторы, как делают люди, которые ночью работают, а днем спят.

Мистер Ворчун помрачнел еще больше и, не прибавив больше ни слова, нажал на газ и свернул к дому напротив. Я думала, на этом и конец разговору, но сосед выбрался из машины и размашистыми шагами пошел обратно.

– Только не говорите, что это сделано для привлечения внимания, и в темное время суток здесь будут собираться зеваки, чтобы поглазеть на лампочки и дурацкие фигуры на вашем газоне!

– Хорошо, не буду, – процедила я.

– Чего не будете? – сосед подозрительно прищурился.

– Говорить, что люди со всей округи съедутся полюбоваться моей выставкой, даже если это правда.

Мистер Ворчун пригладил вихры.

– Я купил дом в тихом районе. Соседи сейчас в городе, а летом, когда здесь разгар сезона, я в разъездах. Я рассчитывал, что зимой тут будет пусто!

Он не сильно ошибся в расчетах: в этой части Хэмптонса в основном дачи, летом здешнее население увеличивается в пятнадцать раз. Живущие здесь круглый год, скорее, исключение.

– Зимой здесь действительно тишина, – отозвалась я, не прибавив, что всего через несколько недель наша тихая улочка будет запружена машинами – любоваться моей рождественской инсталляцией приезжают со всей округи. Соседу придется потерпеть. В конце концов, все сборы идут на благотворительность.

Взгляд мистера Ворчуна блуждал по моему лицу. Видимо, он не нашел того, что искал, потому что нахмурился и потопал к себе домой, не попрощавшись.

Вздохнув, я снова опустилась на колени перед почтовым ящиком, заканчивать с гирляндой, и буркнула себе под нос:

– Надо же, какой грубиян...

– Грубиян тот, кто не считается с интересами окружающих! – рявкнул сосед, идя к своему крыльцу.

Как он меня расслышал, черт побери?!

Я сложила руки рупором и крикнула через улицу:

– И заявляет, что результаты чьих-то трудов похожи на блевотину!

Ответом мне послужил оглушительный грохот захлопнувшейся двери.

Нет, ну не хам?

* * *

На следующей неделе я поехала по магазинам с моей подругой Сарой – требовалось кое-чего докупить для моей инсталляции. Сара жила на Манхэттене и приезжала в Хэмптонс только на лето, но едва прозвучало волшебное слово «шопинг», как подруга примчалась на следующий день.

Закупившись, мы вернулись и начали разгружать багажник прямо на подъездной дорожке. Я насчитала не меньше двадцати пакетов с украшениями и гирляндами, а на заднем сиденье ехали два роскошных Щелкунчика шести футов ростом, которых я урвала на потрясающей предпраздничной распродаже. Я нанизывала на пальцы очередную гроздь пакетов, когда на улице показался знакомый огромный, наглый внедорожник. Мистера Ворчуна я не видела с самого обмена любезностями у почтового ящика. Проезжая мимо, сосед саркастически покрутил головой и свернул к своему дому.

Сара обернулась и успела заметить, кто сидит за рулем.

– О-о-о-о, я и забыла, – воркующим голосом протянула

она. – Дом напротив занимает замечательный сосед! Он же весной переехал, да? А почему мы не видели его все лето?

Я пожала плечами.

– Дом он купил в апреле, но поселился совсем недавно.

Сара приветливо помахала рукой кому-то на другой стороне улицы.

– Он же просто красавец! Муж Эмили Вандерквинт говорил, когда мы собирались у тебя на День труда, что вроде он какой-то писатель, и летом у него турне в поддержку новых книг. Похоже, он очень популярен, раз никогда не бывает дома!

– А еще он козел!

– Правда? – Сара облизнула губы. – Ничего не имею против козлов. Чем сильнее обида, тем круче секс. Он тебе нравится?

– Еще чего! – я фыркнула. – Он меня либо уже ненавидит, либо возненавидит через шесть дней.

– Значит, ты не против, если я к нему зайду, типа, поздороваться?

Во мне отчего-то проснулась ревность, хотя это было просто нелепо. Пожав плечами, я закрыла багажник.

– Валяй, иди.

Сара улыбнулась, поправила волосы и одернула свитер, пониже опустив острый вырез.

– Щелкунчиков пока не трогай, – промурлыкала она. – Я попрошу его помочь выгрузить тяжести.

– Может, лучше не надо? Этот тип с отвращением отнесся к моей рождественской выставке...

Но Сара уже перебежала через улицу и, замахав рукой, окликнула моего соседа, который уже подходил к крыльцу:

– Ау, дорогой соседушка!

Я округлила глаза и понесла пакеты в гараж. Через несколько минут Сара вернулась, ведя за собой сэра Ворчуна.

– Коул нам поможет выгрузить этих тяжелых Щелкунчиков!

Я усмехнулась:

– Коул? Это ваше настоящее имя или то, что Санта-Клаус подкладывает вам в чулок как вечному брюзге²?

Тот попытался сохранить невозмутимую мину, но я заметила, как у него дрогнул уголок губ. Сара открыла заднюю дверцу моей машины, и сосед заглянул в салон.

– Щелкунчики для женщины, которой нравится меня подкусывать? Подходяще.

– Неплохо, – я засмеялась, – однако остроумие не извиняет вашу желчность.

– Ой, мне пора, – прочирикала Сара, – я же опаздываю на встречу. Не скучайте!

И она прыгнула в свою машину, прежде чем я успела на нее нехорошо посмотреть. Нарочно оставила меня с этим

² Игра слов: Cole – имя Коул, coal (произносится так же) – уголь. По легенде, детям за плохое поведение св. Николай кладет в чулок кусок угля вместо подарка.

придирчивым грубияном!

Грубиян проводил ее взглядом и повернулся ко мне.

– Значит, еще раз: почему я помогаю этой тошнотворной праздничной чепухе?

Я наклонила голову.

– Может, потому, что у вас есть сердце, Коул?

– Ерунда, свое сердце я отдал в прошлом году и не получил обратно, – сосед подмигнул, сверкнув озорной улыбкой, от которой у меня чуть-чуть закружилась голова.

Грубиян Коул действительно был дьявольски хорош собой.

– Хорошо хоть, что силу себе оставили, – не удержалась я.

Он оглядел уже развешанные украшения и гирлянды.

– Слушайте, ну вот серьезно, зачем вам это? Столько работы! Почему просто не сходить куда-нибудь полюбоваться иллюминацией?

– Если бы все так рассуждали, из жизни исчезла бы радость. Иногда нужно решиться на перемены, а не ждать их... – Я старалась не обращать внимания на взбурлившие эмоции, зная, что мною движет не только жажда перемен. – Кроме того, у меня есть свои причины.

Коул приподнял бровь.

– Любите быть в центре внимания?

– Если это означает делать других счастливыми, тогда да, просто обожаю, – я прищурилась. – А раз вы не желаете участвовать в «линии света» на нашей улице, не удивляй-

тесь, увидев за окнами плачущих от разочарования детей. Жалкое зрелище – один только ваш дом будет темным, как заброшенный сарай.

– В нашем квартальце всего пять домов, и ни в одном из них не зажигали свет уже несколько месяцев...

Указывая на дома по очереди, я заговорила:

– Сын Мартинсов придет в выходные вешать украшения. Мартинсы зимуют во Флориде, но их сын до сих пор приезжает и протягивает несложную подсветку, которая включается таймером. Экраны обращаются в специализированную компанию, зато старая миссис Беккер вешает свои гирлянды сама, хотя ей скоро стукнет восемьдесят. Сборы идут на благотворительность, и, поверьте, очень красиво, когда сияет весь квартал, а ярче всех – мой двор. Вы единственный ведете себя как Скрудж.

– Моя совесть это как-нибудь переживет. Кстати, спасибо, что предупредили. – Сосед согнулся и полез на заднее сиденье. – Давайте уж достану... – Я смотрела, как он медленно и осторожно вынимает из салона первого увесистого солдата. – Куда его?

– Слева от двери, пожалуйста. А второго справа. Пусть несут караул и охраняют дом, – я усмехнулась.

– Прелестно, – сосед хмыкнул. Выгрузив Щелкунчика у двери, он вернулся к машине. – Подумать только, а я недавно установил у себя охранную систему! Знай я, что такие страшилища будут блюсти порядок, я бы не парился...

Дождавшись, когда второй солдат был водружен на положенное место, я сказала:

– Ну, спасибо вам за помощь.

Сосед вытаращил глаза.

– Может, теперь Санта-Клаус взглянет на меня поблагодарнее...

Отчего-то я почувствовала себя обязанной что-нибудь предложить в качестве благодарности.

– Может, вы хотите зайти? На бокал вина?

Что я творю?!

Коул поскреб подбородок и посмотрел на свои ботинки.

– Честно говоря, я не могу, у меня, гм, встреча.

– Или же вас не тянет в гости к чересчур зубастой соседке, – делано засмеялась я, проклиная себя за глупое приглашение. – А все-таки почему вы так ненавидите рождественскую иллюминацию?

– Прежде всего, она собирает ненужную толпу, а у себя дома я хочу иметь возможность расхаживать в трусах, не беспокоясь, что меня увидят через окно.

– Надо теперь перестать праздновать Рождество, чтобы вы могли ходить без штанов?

– А я не знал, что переезжаю в деревню Санта-Клауса!

Я не удержала улыбки.

– Справедливо. Ладно, спасибо за помощь.

– Обращайтесь, – Коул кивнул и пошел к себе через улицу.

Я смотрела ему вслед, любуясь мускулистой спиной и под-

тянутой задницей. Отчего-то мне живо представилось, как сосед расхаживает по дому в одних трусах под «Звените, колокольчики», несущуюся с моей лужайки.

Глава 2

Коул

Все мужики бреют не только щеки, правильно?

Пришло время ежемесячного тримминга. Раздевшись, я встал перед зеркалом в ванной и помедлил, оценивая результаты нелегких трудов в тренажерном зале.

Включив бритву, я подумал о своей двинутой соседке. Я, конечно, на нее наехал, но вообще эта Джози чертовски привлекательна. К сожалению, она напомнила мне особу, которую я очень хотел забыть, и от этого рядом с Джози чувствовал себя принужденно.

Украшает небось сейчас елку, пока я тут ровняю волосню вокруг своей елки...

Посмеиваясь, я повел бритвой по низу живота, когда вдруг стало темно. Свет в ванной погас.

– Какого хрена?

От неожиданности я проехался бритвой там, где не собирался. Выключив бритву, я вышел из ванной и увидел, что вырубился свет во всем доме.

Я взглянул в окно – вся улица погрузилась в первородный мрак. И тут меня осенило: Джози, больше никому! Сегодня первый вечер ее иллюминации, буквально ослепившей меня, когда я возвращался после встречи с приятелями в баре. Включила она свои штучки-дрючки, и весь квартал остался

без электричества! Улавливаете связь?

Ни черта не видя, я ошупью подобрался к шкафу и вытащил джинсы. Кое-как засунув в них ноги, я через голову натянул первую попавшуюся фуфайку.

Осторожно спустившись на первый этаж, я нашарил под кухонной раковиной фонарик и решительно направился в дом напротив. В соседних домах, по-моему, не было ни души: фигурки во дворах стояли, но внутри царила тишина. Похоже, Джози удалось оставить без электричества весь район.

Соседка, воинственно подбоченившись, уже стояла на крыльце, будто ожидая моего прихода.

– Ну что, довольны? – услышал я вместо приветствия. – Ваше желание сбылось! Не только у меня все погасло, но и целая улица темная. Рады?

Она что, винит в замыкании меня?! Я встряхнул головой.

– Ага, я рад и счастлив. Обожаю писать статьи в темноте, когда поджимают сроки. Особенно когда не заряжен ноутбук, в котором у меня рукопись. Небось не в первый раз обесточиваете весь квартал?

– Нечего на меня валить! Не моя вина, что свет погас. Это все ваш дурной глаз, а не небольшой перерасход электричества!

– Небольшой? – не удержался я. – Это все равно что сказать, будто сестры Кардашьян капельку нескромно одеваются!

У этой Джози на подъездной дорожке был установлен настоящий каток, и штук шесть конькобежцев – полноростовых кукол – крутились на нем под зудящую рождественскую музыкачку. И это даже не десятая доля всей ахинеи, которую она нагородила!

– А может, это вы испортили какой-нибудь трансформатор! – заявила соседка. – Я видела, как вы в гараже пилили и сверлили. Небось возились с каким-нибудь мощным инструментом, когда отключился свет?

Я чуть не захохотал. Мощный инструмент, ага... Откашлявшись, я спросил:

– Надолго обычно отключают?

– Не знаю, – соседка фыркнула, – первый раз такое.

Отлично. Ну блин, просто отлично!

– Вы хоть позвонили?

– Нет, а вы?

Я вздохнул и пригладил волосы.

– Свечи у вас найдутся? Я малость не готов к первобытному состоянию.

– Свечи есть, только вы можете зайти с фонариком в дом и мне посветить? – попросила Джози. – Я из своей батарейки вынула кое-что подпитать во дворе.

– Могу себе представить, – буркнул я.

В доме пахло, как в пекарне-кондитерской. Я посветил в кухню:

– Вы пироги печете, что ли?

– Овсяное печенье с шоколадной крошкой и с тыквой и изюмом. Хотите попробовать?

От запаха у меня потекла слюна. Учítывая, что я намеревался разогреть готовый замороженный обед в микроволновке, отказываться было неблагоприятно.

– С удовольствием.

– Тогда направьте фонарик на стол, справа от вас.

Я повел лучом вправо, и глаза у меня полезли на лоб:

– Куда вам столько?!

Стол был заставлен подносами с целыми горами печенья, обернутыми пленкой.

Джози приподняла край пленки и вытащила два печенья.

Подавая их мне, она ответила:

– Двести штук. В прошлом году на первый вечер напекла полтораста, так всем не хватило.

– Иисусе! Я понимаю, что сюда съедется народ, но чтобы двести человек... Вот не думал, что в этой части Уэстгемптон-Бич наберется столько жителей!

Джози улыбнулась.

– Я учу третий класс в Ист-Хэмптоне. Придут многие мои ученики. Некоторые уже в колледже, но все равно приезжают каждый год.

Я откусил кусочек печенья.

– Ух ты, как вкусно! Если бы у меня была такая учительница, которая еще и печет как черт, я бы тоже до сих пор к ней в гости ходил!

Даже при свете фонарика было заметно, что Джози покраснела. Это меня удивило: с такой внешностью соседка должна была привыкнуть к комплиментам.

– Гм... Свечи в верхнем ящике тумбочки, – сказала она. – Посветите мне, пожалуйста!

Она выгребла из ящика пригоршню свечей, подошла к каминной полке и взяла зажигалку. Расставив свечи там и сям по комнате, вручила мне две незажженные.

– Держите. Остались с Дня благодарения, поэтому пахнут, наверное, тыквой или пряностями.

– Спасибо, – я кивнул.

Огонек свечи, которую держала Джози, отражался в ее голубых глазах, и я невольно загляделся. Черт, какие красивые глаза... Я заставил себя отвести взгляд и кивнул на входную дверь:

– Я, это, пойду к себе, позвоню в электроснабжение.

– Хорошо. Я тоже позвоню и сообщу об отключении света.

Три часа спустя я позвонил энергетикам во второй раз – узнать, когда они пришлют специалистов, но они и сами ничего не знали. Сроки реально поджимали. В машине имелся разъем для ноутбука, и я решил подзарядить его во внедорожнике, чтобы хоть вспомнить, на чем я остановился, и продолжить пусть даже ручкой на бумаге. Но открывая гаражную дверь, чтобы не задохнуться от выхлопных газов, я взглянул на дом напротив и увидел, что у Джози освещены две комнаты.

Что за черт, ей все починили, а мне нет?!

И давно она сидит с электричеством?

Не заводя машину, я перешел улицу и постучался к соседке.

– И когда у вас включили свет?

– У меня не включили, – отозвалась Джози, – у меня газовый генератор. Я съездила на заправку.

Я нахмурился и показал ноутбук, который держал в руках.

– Можно зарядить?

– Конечно, пожалуйста. – Она отступила в сторону, пропуская меня, и указала на удлинитель с розетками на полу гостиной: – Вон там.

Пока ноут заряжался, я огляделся, рассматривая ее дом при свете.

– Если позволите, я вернусь за ноутбуком через час.

– Разумеется.

Я пошел к двери, но Джози окликнула меня:

– Коул!

Я остановился.

– Вы кушать хотите? Я только что поставила в духовку противень домашних маникотти.

Пока я взвешивал «за» вкусного ужина и «против» общения с женщиной, напоминавшей мне Джессику, в животе громко заурчало. Джози рассмеялась.

– Значит, согласны?

– Гм, да, отчего же нет, – я пожал плечами.

Спустя двадцать минут мы сидели за столом. В гостиной у Джози не было лампы, чтобы включить в розетку, поэтому ужин ели при свечах.

– В чем дело? – вдруг спросила Джози.

– Ни в чем, – я покачал головой.

– Вы на меня пристально смотрите, должна быть причина.

Признайтесь, что у вас на уме?

Ответ «соображаю, как бы выяснить вкус твоих губ» нарушил бы все мыслимые приличия, поэтому я сказал другое, над чем тоже ломал голову:

– Давно вы начали под Рождество городить такой огород?

Джози грустно улынулась.

– После Уильяма, моего ученика. Девять лет назад он у меня учился, я тогда второй год работала. У Уильяма была спинномозговая грыжа, он передвигался в инвалидном кресле, но другого такого жизнерадостного ребенка во всей школе не было. Уильям обожал Рождество – он украшал свое кресло гирляндами и прочим за два месяца до праздника. Спину ему несколько раз оперировали, в начале лета должна была состояться шестая операция, и в случае удачного исхода Уильям смог бы передвигаться с ходунками. Последнее, что он мне сказал перед каникулами, – что все будет хорошо, потому что в декабре он попросил у Санты ноги, как у моряка – хоть по вантам бегай... – Джози вытерла глаза. – Во время операции оторвался тромб и закупорил коронарную артерию. Уильям умер на столе.

– Господи... Мне очень жаль.

Джози стерла еще одну слезинку.

– Прошло почти десять лет, я уже должна говорить об этом спокойно, но все равно плачу.

– Есть от чего. Подобные раны время не лечит.

Джози через силу улыбнулась.

– Спасибо. Короче, мне захотелось что-то сделать в память об Уильяме, и на следующий год я устроила настоящую инсталляцию, выставив ящик для сбора пожертвований на лечение детей со спинномозговой грыжей. Об этом стало известно в школе, и некоторые родители приехали и оставили толику денег. Одно за другое, и с каждым годом мои шоу все красочнее, и зрителей все больше. За девять лет удалось собрать больше пятидесяти тысяч.

– Ого! Вот это да!

– Уильям пришел бы в восторг при виде этой выставки, да мне и самой нравится украшать двор к Рождеству.

А я-то сторонился этой женщины, потому что она напомнила мне Джессику! Да Джози ничем не похожа на мою бывшую! Она добрая, равнодушная и, черт побери, умеет готовить.

Я подцепил вилкой еще маникотти и замер, не донеся до рта.

– Кстати, очень вкусно. Это лучшее, что я ел за... не припомню сколько.

– Спасибо, берите добавку. У меня дурацкая привычка

готовить на четверых, а доедать приходится одной бедненькой мне.

Внешность у Джози была близка к идеалу. Интересно, откуда взялось это «бедненькая я»?

– Отчего же так?

– Отчего я готовлю на четверых?

– Нет, отчего вам некому готовить?

– А-а... – она пожала плечами. – Не знаю. У меня был бойфренд, но мы расстались в прошлом году. Видимо, я пока не встретила своего человека.

Я кивнул.

Джози пригубила вина.

– Точно не хотите? Мерло очень удачное.

В начале ужина я отказался, рассчитывая еще поработать, но когда Джози предложила во второй раз, я не устоял.

– С удовольствием.

Она налила мне вина и смотрела из-под ободка своего бокала, как я пью.

– А вы? – Она указала на мою пустую тарелку. – Судя по тому, как вы буквально смели макароны, у вас нет женщины, которая бы вам готовила.

Я покачал головой.

– Женщин в моей жизни больше нет, но домашней еды я и раньше не видел: у Джессики даже вода подгорала.

Джози рассмеялась.

– Вы преувеличиваете!

– Однажды она попыталась соорудить мне торт на день рождения, так у нее загорелась духовка. Пожарные разгромили мне всю кухню, пока вытаскивали плиту...

Джози посмеивалась, видимо, решив, что я так остро, между тем как я говорил чистую правду.

Я смотрел на нее, не в силах оторваться от ее улыбки. В свете свечей лицо Джози окружал едва заметный радужный ореол, словно у ангела. Она действительно была красива, а сейчас, без своей колючести, казалась нежной и милой. Мне захотелось быть с ней откровенным.

– Простите, что нахамил вам по поводу рождественской иллюминации.

– Ничего. Я представляю, как может раздражать толпа на улице, особенно если человек работает дома и рассчитывает на тишину.

Я несколько секунд смотрел в тарелку.

– Честно признаться, причиной моей грубости было вовсе не ваше световое шоу.

– Вот как? – удивилась Джози.

Я кивнул.

– Вы мне кое-кого напомнили, поэтому я на вас и наехал. Джози свела брови.

– Кого же я вам напомнила?

– У моей бывшей тоже длинные темные волосы и светлая кожа, и она стройная, но с... формами, как вы. А еще она тоже ездит на красной «Ауди» и обожает Рождество, хотя

скорее из-за шопинга и подарков, а не по причинам высшего порядка.

– То есть вы мне нахамили, потому что я напоминаю вашу бывшую подругу?!

– Теперь вы будете считать меня законченным дураком.

Джози рассмеялась.

– Я никогда не считала вас дураком. Негативное отношение всегда имеет подоплеку. Тут дело не в чувствах к другим, а в собственных комплексах – отношении к себе, страхах, пунктиках...

– Вы просто аналитик, – я хмыкнул. – Вот бы взять у вас интервью для моих статей!

– А о чем вы пишете? – оживилась Джози.

Я вытер губы.

– Я независимый исследователь, специализируюсь на связях между нейробиологией, психологией и эпигенетикой. Сейчас я пишу серию статей о связи тела и интеллекта – как изменение психологических установок влияет на здоровье организма и качество жизни.

У нее даже рот приоткрылся.

– Мой ворчливый сосед – гуру нравственного совершенствования? Вот никогда бы не подумала!

– В жизни много иронии.

– А я часто гадала, что же вы пишете. Может, думаю, у меня напротив живет второй Николас Спаркс? Это меня всегда смешило – романтика казалась вашей противоположно-

СТЮ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.